

Валерий МИХАЙЛОВ

К НИМ ПРИЛЕТАЛИ СНЕГИРИ

Писательские семьи крайне редко удаются, но, по счастью, есть исключения из этого правила. Может быть, самый лучший на всю литературную Алма-Ату пример – Татьяна Фроловская и Эдуард Джилкибаев. Они прожили вместе долгую согласную жизнь, что называется – на одном дыхании. Наверное, потому что и дышали одним – радостью жизни, культуры, творчества. Они покинули этот мир почти не разлучаясь, следуя друг за другом. Иначе и не могло быть, до того велика была сроднённость их душ.

Дом в предгорьях Алма-Аты. Просторный сад, старые яблони: серые стволы, корявые изогнутые ветви. Особого урожая они не приносили, зато цвели по весне, а осенью радовали глаз редкими крупными яблоками, красневшими сквозь листву. В саду было спокойно, кажется, яблони нисколько не тревожились, что их срубят и заменят молодыми плодоносными деревьями. В тени на подстриженной травке деревянный столик, скамейка, плетёные стулья: тут порой принимали гостей, обедали, пили чай. Приветливая такса, заглядывая в глаза и виляя хвостом, угловато путалась в ногах и норовила кого-нибудь лизнуть в руку. Собака, чувствуя настроение хозяев и вполне разделяя его, вдвойне радовалась обществу.

Годами и многими заботами бывшая времянка на дачном участке вырастала в их Дом, который Татьяна Леонидовна и Эдуард Галиевич любили как неразрывную часть своей жизни. Пребывали здесь всё возможное время, будто бы забыв про городскую квартиру. Недаром даже автобусную остановку поблизости одомашнили, назвав шукшинским согретым словом – Печки-лавочки. Тут было их место, их крепость – на земле и, выше говоря, на Земле. Черновики и рукописи, читанные и перечитанные книги, новинки литературы, излюбленные музыкальные записи и фильмы. Взаим-

ное общение, казалось, было для них бесконечной беседой. Они были интересны друг другу, как вечный и постоянно обновляющийся мир.

Круг бытия сложился сам собой: работа, чтение, дети, внуки... Жили в стороне от местной богемы с её гомоном, винными парами и табачным дымом, а посиделки с приятелями и друзьями предпочитали – на чистую голову. Их «градусом» были искренняя любознательность, душевная открытость и всегдашний позитивный настрой. Даже невнимательные люди замечали или же просто ощущали, что Эдуард рыцарски служит Татьяне, словно бы легко храня данный в сердце ей и себе обет и сполна получая чаемое.

Их отличала верность раз и навсегда с юности выбранным привязанностям. Фроловская – поэт, филолог, исследователь Пастернака, познаватель истории и мироустройства по Гумилёву, переводчик Унгарсыновой. В творчестве она в чём-то повторила путь своего поэтического кумира, перейдя от захламляющегося образами молодого косноязычия к зрелой «неслышанной простоте» строгой гармонии. И Борис Пастернак, и Лев Гумилёв открывали для неё в течение всей жизни неиссякаемые горизонты исследования, осмысление которых в конце концов претворилось в увлекательные по изложению и глубокие по содержанию книги-монографии. Джилкибаев, по образованию тоже филолог, совмещал журналистику с литературной критикой и художественно-биографической прозой, отдавая должное культурологии, а иногда и музыковедческим этюдам. Для столь широкого жанрового охвата у него имелось несколько псевдонимов: «Константин Кешин» писал лирического духа повести и рассказы, «Тилеш Тегин» отвечал за газетные статьи и заметки; природным же именем подписывались особо значимые литературоведческие работы.

Зимами дом и сад осыпали пышные алма-атинские снега, принося с собой небывалую тишину. Какое-то время оснеженная округа, в её бело-чёрной графике, дышала первозданной чистотой. Лишь на тонких веточках калины у дома атели нетронутые горько-сладкие гроздья. Сюда, откуда ни возьмись, по обычаю налетала кормиться ягодами стая красногрудых снегирей. Снегирь – осторожная птица, далеко не во всякий сад-огород залетит. Только к добрым людям.

